

п 809.2.К М
1919 - 2-10

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пролетарская Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

СОДЕРЖАНИЕ.

<i>Ф. Назимин.</i>	Пролетарская культура и ее критики.
<i>А. Богданов.</i>	Очерки организационной науки. Ст. 2-я.
<i>И. Тишарзов.</i>	Ч. Дарвин и К. Маркс.
<i>В. Яковлевский.</i>	Познание в свете истории.
<i>О. Райнин.</i>	Рост Пролеткульта.
<i>А. Гастев.</i>	О тенденциях Пролетарской Культуры.
<i>А. Богданов.</i>	О тенденциях Пролетарской Культуры (ответ А. Гастеву).
..	О провинциальных Пролетарских университетах.
..	К закрытию Пролетарского университета.
<i>Хроника.</i>	В провинции. Отчеты.
<i>Библиография.</i>	М. Герасимов. „Завод весенний“ и „Цветы под огнем“. — В. Александровский. „Рабочий поселок“ и „Север“. — А. Поморский. „Цветы восстания“. — „Пролеткульт“. — Орган Екатеринославского Пролеткульта. — „Пролеткульт“. — Орган Тверского Пролеткульта. — „Труд и Творчество“. — Еженедельник Смоленского Пролеткульта.

№ 9 — 10.

Июнь — июль 1919 г.

Издание Всероссийского Совета Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций.
МОСКВА.

О провинциальных пролетарских университетах.

В провинциальных центрах устраиваются один за другим пролетарские университеты. У нас имеются материалы о существующих уже около года под этим именем учреждениях в городах Петровске и Орле, разработанный проект из Екатеринослава, известие о том, что решено организовать пролетарский университет в Туле.

Программы весьма различны. Екатеринославский проект основан на резолюциях Первой Всероссийской Конференции Пролеткульта и, следовательно, в общем соответствует организации закрытого теперь Московского пролетарского университета. Такова же, конечно, будет программа Тульского университета, который основывается при участии одного из ответственных работников центрального пролеткульта. Но совершенно иного типа университет в Петровске. Это—просто широко поставленные научно-популярные курсы для взрослых. В нем имеется секция грамотности, секция научно-популярная и новых языков, предполагается открытие секций медицинских знаний и педагогической; организованы курсы счетоводства; устраивались публичные лекции о религии, об испанской болезни и проч. При этом общественные науки представлены вообще сравнительно слабо, меньше чем естественные и филологические, главным образом, конечно, по недостатку сил. Что же касается Орловского университета, он подходит более или менее к типу „народных университетов“ и, надо сказать правду, не наиболее совершенного типа. Имеется отдел гуманитарный, с преобладанием словесности и истории; медицинский; затем естественно-математический, где в естественных науках отведено большое место описательной стороне, а в математике даются основы анализа по отвлеченной, обычной, программе, даже вне связи с естественно-научными и техническими приложениями; наконец, технический отдел, с подготовительными курсами по низшей математике.

Без сомнения, ни о каких *обязательных* программах для пролетарских университетов говорить не приходится. Творчество новых форм и в этой области должно быть свободно. Но все же вполне законно требование, чтобы названия соответствовали вещам и не вводили в недоразумение. Поэтому едва ли можно признать правильным, когда курсы таких типов, как в Петровске и в Орле, обозначаются именем „пролетарских университетов“. В этих словах заключены две большие идеи. Первая: учреждение *классовое* не просто для пролетариев, а пролетарское по своей сущности, по своему духу и смыслу и, значит прежде всего—по программе. Вторая: организация объединенного и углубленного научного познания. Вечерние общеобразовательные и специальные курсы нужны и полезны, особенно когда они обслуживают рабочих; народные университеты—могущественное орудие демократизации знаний. Но и те и другие ничего не приобретают от неверной вывески. Для привлечения рабочих ее не требуется,—стремление к науке и без того достаточно сильно в массах; а их классовое сознание, несомненно, только затемняется при таком легком употреблении слова „пролетарский“. Там же, где работа не выходит за пределы элементарного или популярного, громкое название „университета“, кроме того, способствует развитию несерьезного, поверхностного отношения к науке, неправильной оценке познавательного труда. Да и вообще не пролетарское это дело—громкие титулы без оправдывающего их содержания.

Какова же должна быть примерная программа провинциальных рабочих университетов? Всероссийская Конференция Пролеткульта наметила один и тот же общий план для центра и для провинции, и, конечно, в основах он должен быть общим. Но, во-первых, при его выполнении с самого начала предполагалась значительная свобода местных инициативных организаций в постановке дела: разнообразие частных, всякого рода варианты нужны и полезны для развития. Во-вторых, нельзя не считаться с недостатком подходящих научно-учебных сил в провинциальных центрах, недостатком нередко весьма острым;

он неизбежно должен отразиться и на способах осуществления плана, и особенно на его последовательности и полноте. Даже в Москве нелегко было набрать кадры руководителей и приходилось отчасти приспособлять порядок изучения предметов к возможности использовать тех или иных профессоров из товарищей, занимающих многие и ответственные советские должности. В провинции это еще хуже.

Итак, прежде всего несомненно, что на ближайший учебный год местные пролетарские университеты, которые будут открываться, должны ограничиться *первым* курсом общего плана. Это неизбежно уже вследствие того, что для второго курса не нашлось бы студентов, кроме разве нескольких одиночек. Ведь и Московский университет, собиравший студентов-пролетариев со всей России, на первый раз не мог открыть второго курса в полном масштабе: была выделена лишь старшая группа в несколько десятков человек, достаточно подготовленная по многим предметам для углубленной научной работы второго курса, но другие предметы изучавшая вместе с прочими товарищами. Возможно и даже вероятно, что местным университетам придется вести дело в рамках первого курса ближайшие два-три года. Надо помнить, что по общему плану и этот первый курс дает широкую, целостную сумму знаний и навыков, создает работника, более подготовленного по своему образованию в научно-социалистическом смысле, чем огромное большинство тех, которые заполняют теперь советские учреждения. И, разумеется, все, которых местный университет командировует для продолжения курса в центральный, должны найти там себе место.

Программа 1-го курса, разработанная для Московского университета, была такова:

Название курса.	Приблизительное число учебных часов.
I. Организация устного изложения и обсуждения . . .	около 40 час.
Методы письменного изложения	40 "
Способы использования литературы и источников	14 "
II. Математика	64 "
Физика	50 "
Введение в химию	32 "
Введение в астрономию	28 "
Геология в связи с геоморфологией	30 "
Введение в биологию	50 "
Физиология	30 "
Физиологическая психология	28 "
III. Введение в политическую экономию	42 "
Введение в русскую историю в связи со всеобщей	56 "
Введение в изучение научного социализма	28 "
История рабочего движения и формы рабочих организаций	56 "
Формы общественности	42 "
Итого около . . . 630 час.	

Кроме того, ряд дополнительных курсов, свободно избираемых студентами:

1) повторительные курсы по арифметике и русскому языку для случайно неподготовленных по этим предметам; 2) новые языки—французский, немецкий, английский; 3) черчение, рисование; 4) статистика; 5) страноведение; 6) история литературы, история искусства.

Несомненно, что для некоторых даже из основных предметов понадобятся командировки руководителей профессоров из центра. Они не могут быть особенно длительными, а потому такие предметы нельзя будет растягивать на расписание всего года или хотя бы на 1—2 триместра: их придется концентрировать, целиком или по крупным частям, на небольшие промежутки времени. Напр., история рабочего движения и формы рабочих организаций

могут быть даны в виде 3—4 достаточно самостоятельных и цельных курсов приезжающими каждый раз на 2—3 недели лекторами. Продолжить такой курс в форме практических занятий смогут большей частью и местные лектора ближайших специальностей, проследив за ним на лекциях и столковавшись обстоятельно с приезжими руководителями.

Впрочем, растягивание предметов, практикуемое в обычных университетских расписаниях и вообще нецелесообразно: производительность работы усвоения только понижается от долгих перерывов между занятиями; всего лучше идет дело, как показывает опыт, тогда, когда занятия по одному предмету ведутся раза 2—3, для более легких в методологическом смысле даже раза 4 в неделю, каждый раз по 2 часа; только для трудных по изложению лекций лучше 1 час. Студент изучает тогда одновременно 3—4 предмета, его внимание не дробится чрезмерно, а потери от „забывания“ наименьшие. Но, конечно, при этом особенно важна последовательность перехода от одних предметов к другим и выбор тех, которые переплетаются между собою.

Однако не должно быть и чрезмерного однообразия в содержании работ,—оно ослабляет энергию. А некоторые предметы, особенно важные в методологическом воспитании, как математика, биология, политическая экономия, лучше проводить через весь годовой курс, чтобы их влияние на общий ход психического развития было прочнее.

Провинциальные пролетарские университеты, в общих интересах развития рабочего класса, не должны сводить свою работу всецело к созданию научно-трудового коллектива из тех все же сравнительно немногих рабочих-студентов, которые будут полностью проходить курс, посвящая этому наибольшую долю своих сил. Такие студенты—по плану университета, стипендиаты или полу-стипендиаты—должны ведь обладать уже заранее некоторой подготовкой; их, по нынешним условиям, даже в крупном центре найдутся едва ли сотни, скорее десятки. Университет должен не только им давать углубленное знание, но и широко разливать свет в массах. Для этого пока намечаются два пути.

Во-первых, сам студенческий коллектив: для него культурно-просветительная работа—лучшая форма приложения наличных и приобретаемых знаний в жизни. Это—„общественно-практические занятия“, которые здесь должны идти рядом с научной работой, конечно, в таком масштабе, чтобы не подрывать ее. Студенты Московского пролетарского университета, лишь только они организовались, постановили вести, как обязательную для всех, именно такую просветительную и агитаторскую работу в московском гарнизоне, многотысячном и текучем по составу; профессора взялись руководить делом, и только командировка всех студентов на мобилизацию расстроила выполнение плана. Подобного типа занятия в рабочей и красноармейской среде не только всюду полезны и необходимы сами по себе, но важны и тем, что поддерживают связь студенческого коллектива с его основой и опорой, с жизнью масс.

Во-вторых, состав аудиторий местного пролетарского университета, мы полагаем, не должен ограничиваться его настоящими студентами. И это не только в том смысле, что пролетарский университет должен быть центром организации публичных лекций для рабочих. Основные занятия также не следует делать строго закрытыми. С одной стороны, кроме стипендиатов и полустипендиатов, конечно, придется допустить „вольнслушателей“, работающих систематически, но не связанных всей полнотою программы: большинство их сможет посещать только часть занятий по своему выбору, какую позволит им свободное время. Их участие в практических и семинарских работах будет, очевидно, поставлено в такие рамки, чтобы не вредить интересам основного студенческого коллектива, который сам и урегулирует все это. С другой стороны, самые лекции курса могут быть открыты даже не только для этих вольнслушателей, но и для других рабочих, поскольку это позволит вместимость аудиторий.

Затем цикл дополнительных предметов надо по возможности расширить гораздо больше, чем предполагалось в Центральном пролетарском университете. Это надо сделать особенно по двум направлениям: техническому и социально-инструкторскому. В провинциальных центрах нет того множества профессиональных инструкторских курсов, какое имеется в столицах. Пролетарский университет должен и вообще быть центром, вокруг которого организуются такие курсы и, поскольку их нет, посильно заполнять своими средствами этот недостаток; подходящие для этого силы найдутся, очевидно, в большем количестве, чем собственно научные. Петербургский Пролеткульт при своем университете устроил показательные мастерские разных профессий, оборудованные лучшими станками; воспользоваться ими, кроме студентов и вольнослушателей, могут в еще большей степени, чем лекциями, масса других рабочих. Найдутся, может быть, центры, где удастся организовать отдельные политехнические институты для рабочих; там пролетарский университет должен не конкурировать, а поддерживать связь с ними путем взаимного участия в работе и помощи научными силами.

В прошлом году в Перми предполагалось открыть—помешала война—особого типа учреждение, под именем „Государственного коммунистического университета“, но которое правильнее было бы назвать: „социальный политехникум“. Это—широко разветвленные инструкторские курсы; их отделения должны были охватывать все отрасли общественной деятельности, готовить ответственных работников для всех сторон общественной организации и управления: политики и административного дела разных комиссариатов, профессионального и культурного движения, устройства кооперативов, коммун и пр. Этого рода учреждений пролетарский университет также вообще не может и не должен заменять,—его задача совершенно иная: выработка руководящих деятелей социалистического строительства, а вместе с тем новых форм науки и научной работы. Но в провинциальных условиях, являясь обычно единственным научным центром, пролетарский университет по мере наличных сил должен организовать замену таких курсов в виде ряда лекций и практических занятий по инструкторствованию в разных областях общественной работы. Главные кадры их будут состоять не из студентов; но и студенты будут находить здесь при случае полезное дополнение своей обычной теоретической и практической работы.

Задачи местных пролетарских университетов, как видим, намечаются в более широком масштабе, чем для центра; это вытекает из обстановки самой жизни. Поэтому провинциальные университеты будут особенно нуждаться в существовании центра, который в живом общении помогал бы им, пользуясь сам их поддержкой, делясь с ними опытом, материалами и научными силами. Теперь он закрыт, будем надеяться—на время, в виду тяжелой военной обстановки. Сохранившиеся и вновь открывающиеся местные университеты должны со своей стороны сделать все для них возможное, чтобы ускорить, при первом улучшении объективных условий, его восстановление в интересах пролетариата и революции.

А. Богданов.